

8. Мятежная инфекция и ее носители

Решающую роль в организации выступлений в особых лагерях сыграли сообщества, землячества, группировки и группы заключенных, сложившиеся в предыдущий период истории Гулага. В оперативных документах, описывавших ход и исход волнений, постоянно встречаются упоминания о наиболее активной части заключенных, тянувших за собой «болото». Бывшие члены ОУН и УПА, «заключенные-западники», «прибалтийские националисты», «уголовный рецидив», польское и немецкое землячества, «чеченцы», «кавказские» и восточные группировки, даже «бывшие работники МГБ» - так определяли

1 Там же. С. 326.

официальные документы наиболее опасные группы заключенных.

В Горный, Речной и Степной особые лагеря зачинщики волнений чаще всего прибывали с этапами штрафников из очагов бунтовской крамолы. В Горном лагере мотором волнений были заключенные, доставленные в Норильск в октябре 1952 г. из Песчаного лагеря. Этап состоял в основном из осужденных за повстанческую деятельность на Западной Украине и в Прибалтике. А из Казахстана они были вывезены именно «за организацию и участие в массовых беспорядках, неповиновение лагерной администрации», а также за убийства, побеги из лагеря и другие нарушения лагерного режима¹. По оперативным данным, украинские националисты, составлявшие подавляющее большинство этого этапа, еще в пути следования из Караганды в Норильск организовали некий «повстанческий штаб», а к маю 1953 г. эта группа сумела создать подпольную организацию и начать подготовку организованного выступления.²

Этап из Камышевого лагеря, «составленный из отборных головорезов», способствовал возникновению волнений в Речном лагере. Этот этап «внёс новую струю дезорганизации и в режиме, и в производственной работе, деморализовал и поднял затаенный враждебный дух среди каторжан». Камышлаговцы распространяли слухи о том, «как они у себя систематически отказывались от работ, как все саботировали, устраивали забастовки, избиения, убийства. Все эти разговоры быстро осваивались каторжанами, и как результат на шахте появились массовые отказы от работы...»³. Позднее, уже в июне 1953 г., в Речлаг прибыла еще одна группа будущих зачинщиков волнений – более двух тысяч человек из Песчаного лагеря.

Начало восстания в Степном лагере также было связано с прибытием нового этапа, в котором оказалось много заключенных-рецидивистов. Они потребовали разрешить им свободное общение с заключенными женщинами, содержащимися в соседнем лагерном пункте. Получив отказ, организовали массовое неповинование, напали

¹ Там же. С. 387.

² Там же.

³ Там же. С.434.

на работников администрации и надзорсостава, некоторых избили, и, проломив вход, проникли в женскую зону. Однако действительными руководителями волнений, по оперативным данным, стали все-таки не уголовники-рецидивисты, а бывшие оуновцы.

История «карагандинского», «камышового», «песчаного» этапов, принесших в Горный, Речной и Степной особые лагери бунтовскую крамолу, существенно важна для понимания феномена массовых выступлений заключенных в 1953-1954 гг. Ведь миграции сплоченных групп штрафников по всему пространству Архипелага, перенос механизмов связи и самовоспроизводства подполья, прежде всего националистического и этнического, но отчасти и социально-политического («власовцы», бывшие офицеры советской армии, осужденные за уголовные и антисоветские преступления), полулегальных уголовных группировок «воров», «сук», «махновцев» и т.д. были в начале 1950-х гг. обычными для Гулага. Организуя штрафные этапы, лагерные администрации пытались снять социальное напряжение в том или ином отдельно взятом лагере. Но процесс разложения всей системы зашел к 1953 году настолько далеко, что испытанное средство лечения волынок превратилось в свою противоположность.

Мятежная «зараза» свободно распространялась по Архипелагу, способствуя кристаллизации «вредных идей» и бунтарской крамолы. С этой точки зрения режимный «иммунодефицит» лагерей, повышенная предрасположенность активных групп заключенных к организованным формам протеста были результатом не только внутренней самоорганизации населения Гулага, но и следствием всей гулаговской системы как она сложилась к началу 1950-х гг. К этому времени бунты, волынки, массовые отказы от работы, столкновения группировок фактически перестали быть чрезвычайными происшествиями. Они стали органичной составной частью лагерного образа жизни. В этих условиях изъятие и перевод потенциальных зачинщиков волнений в другие места заключения не только способствовали распространению болезни, но и не давали должного эффекта даже там, где силы сопротивления, казалось бы, должны быть полностью обескровлены.

Важно, что в протестах заключенных после смерти Сталина смогли объединиться, хотя бы на короткое время, в общем-то, враждебные друг другу силы – от «упертых» украинских националистов до блатных. Описывая публичные похороны убитых охраной заключенных Речлага, М.Д.Байтайский писал: «Смерть невинных спаяла в одном порыве всех - русских и немцев, евреев и полицаев, бывших бандеровцев и бывших советских солдат»¹. Подобные эмоциональные вспышки не означали, разумеется, действительного единомыслия и единодушия в действиях заключенных. Различные группировки и социальные типы демонстрировали разные модели поведения - от жесткой конфронтации до готовности к компромиссам и верноподданнических заявлений о советской конституции. Но тот факт, что протестные действия разнонаправленных сил, сформировавшихся в лагерях и колониях к началу 1950-х гг. и тащивших за собой в общем-то аморфную гулаговскую массу, были все же в одну точку, косвенно свидетельствует о том, что конфликты были результатом эволюции всего гулаговского социума после войны. Группировки совпали в своем отношении к самому институту принудительного труда, а в среде политических заключенных – и в отношении к политическим репрессиям как таковым.